

День войны

ОКТАБРЬСКИЙ ДОНЕЦК прекрасен. Пронизанный мягким осенним солнцем, в ослепительном золоте и багрянце ещё не опавшей листвы, ухоженный и чистый, он словно замер в какой-то особой предзимней медитации. Время, утомившееся за жаркое лето от зноя, теперь неспешно облетает кленовой листвой на траву газонов и брусчатку аллей. Незаметно подкрадываются ранние южные сумерки, и скоро город, залитый светом тысяч фонарей, превращается в какой-то сказочный Град, светящийся россыпями самоцветов, полыхающий огненными озёрами реклам, укутанный в золотую парчу скверов и бульваров. И так хочется погрузиться в эту его ночную негу, вдохнуть пряный запах листвы на бульваре Пушкина, уловить сырую прохладу Кальмуса, постоять на мосту, созерцая в тёмной плите воды медленный восточный танец прибрежных огней. Но, словно бы по чьему-то заклинанию, город вдруг пошует, с его улиц исчезают люди и машины, и он, словно былинный Китеж, начинает погружаться в странный морок, неподвижность. И память тревожно окрикает:

— Пора! Через четверть часа комендантский час!

И ты сразу вспоминаешь, что ты не в сказке. Ты в Донецке. Ты рядом с войной.

И в напоминание, глухо, словно бы откуда-то из-под земли, доносится тихое "Хум!" Это где-то недалеко от города Бог войной стукнул о донецкую землю своим огненным посохом, оставив на ней ещё одну курящуюся едким толом воронку.

Война нигде не ушла. Война здесь! И это её заклятие каждую ночь превращает живой, искрящийся силой и светом город в неживой призрачный Китеж-град...

Вот и сидят бойцы в окопах, стиснув зубы, наблюдают, как всё ближе к ним придвигаются траншеи упырей с желто-синими шевронами. Тактика "жабых прыжков", как её тут прозвали...

Но сейчас полдень. Вся украинская збройна нечистая сила сейчас дрыхнет в своих склепах. Набирается сил для новой ночной охоты за живыми...

Сейчас тихо.

Глава поселковой администрации Ирина Дикун неспешно рассказывает о жизни на линии фронта:

— В посёлке из трёх с половиной тысяч жителей, живших здесь в 2014 году, осталось половина. Полтора года мы жили без света — ВСУ уничтожили подстанцию и трансформаторы. Не работала почта. "Скорая" к нам не ездил, потому что ВСУ сразу открывали огонь. Раненых и больных мы на своей машине сами везли в Горловку. Иногда просто руки опускались! Они (ВСУ) нас просто специально опускали в перво-бытное состояние. Специально уничтожали объекты инфраструктуры. Но смотрела в лица людей и понимала — надо держаться. А потом главой Горловки стал Иван Приходько и мы стали подниматься с колен. Дали свет во все дома, мы провели в Зайцево интернет, открыли почту, пенсионеры стали получать пенсии, восстановили здание администрации, начали ремонт дорог, даже автобус к нам стал ходить! А сейчас собираемся разбить перед зданием

Владислав ШУРЫГИН

НА СЕВЕРНОМ ВЫЕЗДЕ из Горловки, в частном секторе мы сворачиваем с улицы в какой-то тихий проулок и останавливаемся. Сопровождающий нас офицер пресс-службы Максим, больше похожий на учителя словесности, чем на "пса войны", из багажника микроавтобуса извлекает на свет божий огромную грязно-рыжую кипу бронжилетов и мы начинаем в них облапывать. Для большинства это первый опыт и определить, куда правильно сунуть голову, могут далеко не все. Максим терпеливо помогает разобратся, поправляет "бронники", запихивает и фиксирует пояса "липушек", надевает шлемы. Со ступенек ближайшей хаты за нами наблюдает пожилая женщина в байковом халате и тапочках. В руках венчик и совок. О голые подмышки вальсировать трётся трёхцветная кошка. Мимо проезжает на "велике" худой мальчишка лет десяти-двенадцати, в линялых джинсах и футболке, и любознательно окладывает нас взглядом. Разодетая в бронжилеты, накрытая касками группа посреди сонного утреннего посёлка выглядит комично и глупо. Но, что делаты! Мы в гостях у военных и это их требование — безопасность должна быть гарантирована. Чтобы как-то нас морально поддержать, Максим сам тоже запакуются в бронник и надевает шлем, после чего мы снова рассаживаемся по местам, и микроавтобус трогается. И минут через пять справа за окном мелькает белый квадрат дорожного знака "Зайцево". Немного попятляв по улочкам, останавливаемся у здания городской администрации. Мы на месте!

Зайцево — это уже передовая. От здания администрации до передовой линии украинских блиндажей метров триста — четыреста, не больше. Не будь между нами домов — были бы как на ладони. Но сейчас, днём, тут почти тихо. Изредка где-то вдалеке сухо кашляет редкий разрыв, или щёлкнет бич снайперского выстрела. Всё начинается с заклатом солнца. Как и положено гоголевской нечисти, вся она вылезает из своих ям и скронов с тьмой. Зайдёт солнце, и оживут пулемётные гнёзда, пласту тылаummy и синими росчерками "трассёров", начнут хлопать гранатомёты, кладбищенскими филинами захукают закопчённые миномётные глотки, и земля начнёт нервно вздрагивать под ногами от недалёких разрывов. За иную ночь по Зайцево прилетает до двадцати мин, ну, а уж "стрелковку" и "граники" — толком никто не считает.

Эта гоголевская жизнь называется "режимом прекращения огня" или "режимом тишины". Отвечать нельзя. За каждый "ответ" потом приходится долго писать объяснительные военным прокурорам и дознавателям. И, строго настрив брови, они тебе быстро объяснят — это "им" (ВСУ) можно! Они же ВСУ, банда без стыда и совести, а мы самое, что ни на есть, христоблюбое и дисциплинированное воинство. Нам никак не можно! А если по-хорошему не понимаешь, то "на подвале" быстро просветление наступит...

администрации сквер с зоной отдыха. Главное, чтобы "эти" не мешали. А они мешают! Каждую ночь — обстрелы! В последнее время начали применять мины, произведённые в Польше. Разлёт осколков у них на порядок дальше, чем у прежних, и сила поражения — мощнее...

...Самое удивительное, что в Зайцево до сих пор живут дети. Тут работает школа.

— В посёлке сейчас живёт восемьдесят один ребёнок. — Рассказывает Дикун. — Мы, конечно, пытаемся всех эвакуировать, но люди просто отказываются уезжать и не хотят расставаться с детьми. Так и живём тут все. Было время, когда уходили из дома и со всеми прощались, потому что не знаешь, вернёшься ли живой, застанешь ли своих живыми. Теперь тоже не сахар, но хоть не так как раньше. А о быте нашем лучше всего скажет понятная тут всем шутка:

Мать зовёт сына с улицы:

— Сынок, беги домой! Стрелять начали!

А он отвечает:

— Мама, это пока далеко! Я ещё не много погуляю...

Я БЫЛ НА МНОГИХ ВОЙНАХ и меня сложно смутит цинизм войны, но от этого предельно-чёрного юмора по спине проскакивает ледяная искра. Но вокруг все добродушно улыбаются. Им эта шутка понятна. Они здесь живут! Это их повседневность, почти обыденность. Здесь вам любой первоклассник, деловито утирая нос рукавом, перечислит быстрее, чем буквы алфавита, чем отличается звук стрельбы стада двадцатимиллиметрового миномёта от восьмидесяти двух миллиметрового, а гаубицы — от танка. Здесь из хвостиков мин на клумбах выкладывают узоры.

Донецкая часть посёлка густо изедана оспинами воронок и мёртвыми обгорелыми остовами домов. Украинская армия с какой-то непостижимо-циничной логикой методично и хладнокровно гвоздит по посёлку. Позиции защитников расположены на окраине, напротив украинский. В самом посёлке никаких военных объектов нет, но нет улицы, на которой бы не стояли разбитые снаряды и минами дома, без рывтин снарядных воронок и смертельных миномётных "солнц" — взрыватели мин настолько чувствительные, что рвутся едва коснувшись земли, разбрасывая в стороны сотни осколков, разящих всё вокруг и оставляющих на земле рисунок, похожий на то, как дети рисуют солнце...

Украинская часть Зайцево живёт тихо, вздрагивая только от "своей" стрельбы. Донецкие по селу не стреляют. "По своим не бьём!" — говорят в окопах...

На клумбике у "зайчат", так называют местных горловчане, уже можно свою отдельную аллею делать. А уж счёт раненых вообще идёт на сотни. На мелкие ранения уже никто и внимания не обращает. Это как случайно на кухне порезаться...

Зачем это делает ВСУ? Ведь, вроде не нацисты сидят в окопах напротив, не "добробаты", обычная украинская призывная солдатня. Но каждую ночь по Зайцево начинают гвоздить из всех имеющихся здесь калибров. И не столько по позициям ополченцев, сколько по самому посёлку.

— А это нам Украина послание пишет. — Объясняет, сидя на скамейке у здания администрации, местный Диоген "дядя Сеня". В жёлтых скруенных пальцах он осторожно разминает сигарету.

...Дядя Сеня — в миру Семён Иванович Василец, личность в посёлке легендарная. Его дом долго стоял на самом краю села, на улице Генерала Брусилова, она самая крайняя в "республиканском" Зайцево. По сути — это фронт, его самая передовая.

И дядя Сеня с женой три года, фактически, жили под огнём. Не хотели покидать свои стены. За эти годы дядя Сеня был трижды ранен, один раз тяжело. Была ранена его жена, но они упорно не хотели бросать свой дом. И вот, наконец, несколько недель назад украинцы всё же смогли хату, и Васильцам пришлось перейти во временное жилище, выделенное администрацией. Но почти каждый день он приходит сюда. К доле своей дядя Сеня относится с каким-то непоколебимым стоицизмом, рассказывает о своих злоключениях так, словно пересказывает какую-то прочитанную книгу или сюжет сериала. Неспешно, спокойно, без эмоций...

Закуривает. Глубоко вдыхает ароматный дым и продолжает:

— Пишут, что не нужны вы тут нам! Лишние вы люди! И мы будем вас выкуривать, как тараканов, пока сами не разбежитесь, или не переебём всех!

Потом вдруг оживает.

— Он же, гад, специально по моему дому начал бить. Недельку подбирался. Я уже знал, когда он дежурить заступал. В какие дни. Спускался в подвал заранее. И точно, как темнело, он начал мины кидать. То недолёт, то перелёт. Утром посмотрит, скорректирует и снова ждёт до ночи. То сарай развалит, то соседский нужник. Но, наконец, на-

Фото автора

ДОНЕЦКИЙ МЕРИДИАН

В осажждённой Горловке

На фронте "Шахтёр" с четырнадцатого года. Начиная рядовым добровольцем. Сейчас командир подразделения. Ветеран! Мы идём с ним по ходу сообщения от штабного блиндажа к передовой позиции. Траншея причудливо извивается между руинами окраинных домов, то ныряя под каменные остовы стен и заборы, то одним коротким росчерком пересекая какие-то проулки. В этих бесконечных изгибах своя жёсткая военная логика, отточенная за столетия предыдущими войнами и поколениями солдат. Снаряд, "нащупав" ход сообщения или траншею, не должен своим разрывом задеть больше двух-трёх бойцов. Войны 20 века добавили к этому обязательную маскировку. Авиация своими "сотками" и "пятисотками" может быстро превратить любое инженерное чудо в лунный пейзаж, но только если положить их точно. Нынешняя война добавила к многовековому опыту ещё одну деталь — чем больше над головой перекрытий, тем лучше. Самодельные дроны — бомбардировщики, зависнув над позициями, могут сбросить гранату или мину, что называется, "в трубу" печки. Оптика видеокерам позволяет со ста метров читать надписи на упаковках сухпак. Но на такой высоте и сами дроны — доступная мишень. Поэтому обычно они кружат куда выше. Днём их пытаются достать из "стрелковки" трассёрами. По следу трассёра легко корректировать огонь. Тяжёлые пулемёты стараются не применять: демаскировать их позицию — мечта противника, тут уже навальтасы всей мощью, забывая "стодацкими" да и боеприпасы к "крупняку" не дешёвые. А вот потренироваться в меткости стрельбы из автомата или винтовки — тут уже кто кого. Поэтому днём дроны и коптеры жужжат шершнями высоко в небе, вне доступа лёгкой пули, высматривают, выцеливают, корректируют. Маскировка теперь основа основ, и, конечно, перекрытые от ударов с воздуха участки траншей, боковые ниши — "лисы норы", укрываются...

И вот мы в передовом блиндаже. Здесь в холодное время и ночью отогреваются бойцы, от него вперёд к самому "передуку" уходит ход сообщения. По нему, в случае обстрела или тревоги, все разбегаются по своим боевым местам. После яркого солнца улицы — тут почти полумрак. Только из расщелин амбразуры на нас льются снопы золотистого октябрьского света, в которых лениво танцуют пылинки. "Как на картинах старых голландцев", — неожиданно всплывает ассоциация. Тишина. Спокойствие. И только рыбой от бесконечной стрельбы ствол ПК на полке перед амбразурой напоминает, что тут бывает жарко. Очень жарко...

Военный бы прост, но основателен. Толпачи с утратившими цвет тощими матрасами, поверх которых расстелены "спальники", грубо сколоченный длинный стол, на котором громоздятся хлеб, консервы, посуда, кружки. Ещё один — со всякой амуницией. В дальнем углу выгородка. Там светится синевой дисплей радиостанции.

В центре вечная, как сама армия, стальная печка — "буржуйка", закопчённый дочерна чайник на ней. Под толком чей-то старый абажур, в нём лампочка. Но сейчас она не горит — день. Совершенно неожиданно в углу глаза утыкаются в знакомый белый куб — холодильник! На его крышке светится зелёный гласок — работает! Капительно тут ополченцы устроились! И, конечно, оружие. Пулемёт. Рядом короба с запасными лентами. Автоматы в самодельной, из автоматного же ящика сделанной пирамиде. На полке ящик с гранатами, у стены гранатомёт, снаряжённый темно-зелёным копьём гранаты. На взрыватели предохранительный колпачок с белой тесёмкой, для удобства съёма. Ещё целая охапка выстрелов стоит рядом.

Нас встречает пара бойцов. Один почти пожилой, седой как лунь, с вислыми запорожскими усами, второй наоборот — совсем молодой парень с коротким ёжиком волос и татуировкой на шее. Мы здороваемся.

"Шахтёр" спрашивает бойцов об обстановке. Седой, видимо, старший, неторопливо докладывает, что заметили, что видели, что слышали. "Шахтёр" кивает. Бойцы к нему уважительно обращаются "командир".

— Та, судя по всему, товарищу командир, — "запорожец" говорит с сильным украинским акцентом, периодически переходя на "мову", — "Жаби знову хочуть стрибнути вперёд..." "Жаби снова хотят прыгнуть вперёд", — механически перевожу я знакомую с детства мову, и вопросительно смотрю на "Шахтёр". Он видит мой вопрос и машет рукой к выходу. По извилистому ходу проходим на НП — наблюдательный пункт. Здесь перед командиром вытягивается коренастый, цыганского вида боец. У него в руках бинокль.

— Всё тихо? — Скорее для порядка спрашивает "Шахтёр", ведь доклад об обстановке он уже выслушал пару минут назад.

— Так точно! — негромко отзывается боец. — Тихо...

Мы подходим к бойнице, за которой открывается вид на давно заброшенные огороды, переходящие в поле...

— Три года назад ВСУ стояли уноу того леса... — "Шахтёр" показывает рукой на зелёную полосу примерно в километре от нас. — А потом укропским командованием была придумана уникальная стратегическая операция по захвату, как они выразились, "серой зоны" — "нейтралки", разделявшей наши позиции. И тактика найдена соответствующая — "жабы прыжки". Это когда они роют вперёд траншеи на пол сотни метров, а затем начинают выкапывать там полноценную линию обороны, а в штаб летит рапорт о "перемеже" и возвращении ещё одного куска украинской территории, откуда обратно спускаются ордена, премии и повышения по службе. И так месяц за месяцем, всё ближе к нам. Иногда такие прыжки проходят бескровно и тихо, когда наблюдатели просто утром обнаруживают, что свидомые уже вовсю зарываются в землю на новом рубеже. Иногда они, вдруг, начинают всё это оформлять стрельбой, видимо, для антуража на соответствующее масштабное битвы представление к ордену или повышению, иногда нагнетают и пытаются отбить у нас позицию, если их очередная оказалась совсем не выгодна в тактическом отношении. Получают по зубам и откатываются назад. Но за три года они уже почти вплотную подползли или припрыгали к нашим "передкам".

И "Шахтёр" показывает на взгорках метрах в двухстах, который при внимательном рассматривании оказывается земляным перекрытием над огневой точкой.

— Теперь они тут! И так почти по всей линии фронта. Сколько они за эти точки и рывтины народу за два года положили! А главное, тут очень наглядно понимаешь, что никакого перемирия, а тем более разведения войск — не будет. Потому, что разведение войск — означает возвращение вот этих, — "Шахтёр" кивает в сторону украинских позиций, — Вон туда! — И он ладонью указывает на лес. — Ведь битва за "серую зону", которой они столько лет полоскали украинцам мозги, как о героическом сражении с "москалями", это то, что в Минских соглашениях называется полосой разделения. Именно сюда должны, по замыслу переговорщиков, быть введены миротворцы. То есть, отсюда нужно будет уходить! И как это Украина сможет выполнить? Получится, что три года перемию и тысячи трупов — всё зря? Всё псу под хвост? Потому так и вопят, как резаные, сейчас в Киеве бандеровцы озраде. О том, что Украину заставят подписать капитуляцию и дать свои территории. Ага! Сначала три года жабами скакали, а теперь вдруг выясняется, что скакали на браблях!

Конечно, нигде они не уйдут и войска не отведут ни на метр. И никакой Зеленский тут их не заставит. Нацисты Белецкого уже наглядно показали Украине его реальную цену. Легко клоуны играть в кино президента, а вот быть президентом-клоуном — это совсем другое. Поэтому никакого мира мы не ждём. И готовимся. Мы на своей земле. Отсюда до моего дома, до моих детей пятнадцать минут на машине...

РАЗГОВОР МЫ ПРОДОЛЖАЕМ уже глубоко в тылу. Отсюда до передовой аж целый километр! В кружках парит крепкий кофе.

— Конечно, очень сильно нас вяжет запрет отвечать огнём на обстрелы, — говорит "Шахтёр", затягиваясь сигаретой, — И теперь всэзшники уже просто

оборзели. Ведут себя нагло. Открыто оборудуют новые позиции. Ведут стрельку. Постоянно провоцируют. По ночам долбят из всего, что у них тут есть. А в ответ — нельзя! Только при прямой угрозе, ну, типа, когда они в атаку пошли. Конечно, всё это сильно давит на психику. Ну и прочей ерунды хватает. Этого нет, того не поставили, это положено, но не привезли. Вот и крутишься как белка в колесе. Где друзья помогут, где волонтеры выручат, а чаще всего за свои покупаешь, "волонтерство" сильно повыдохлось. Война на Донбассе — уже давно обыденность. Нет, я, конечно, понимаю, что у нас здесь, "на передке", задача продержаться до подхода Красной армии, но ведь и это совсем не просто! Противник у нас давно уже не тот, что был в четырнадцатом и пятнадцатом годах. Вовсе они научились. Страшной ценой, но научились. И опыта набрались, и злости им не занимать. Очень хотят покатиться и за Иловайск, и за Дебальцево. И командование у них уже выросшее на этой войне. И технические они нас по многим позициям превосходят. У них вся связь американская, натовская. Всё им поставляется централизованно, комплектами с соответствующими сервисами. Сломалось — заменили. А у нас всё — за свои! На штатную связь без слёз не взглянешь. Прошлый век! Операторы беспилотников у них хорошо обучены, корректировщики. Снайперов много появилось. В общем, серьёзный враг! А у нас очень часто отсутствие необходимого компенсируется комиссарскими призывами: "Надо!" и "Ты должен!"

А меня не надо агитировать Родину защищать. Я четыре года воюю! Здесь мой дом, моя семья, и я нигде отсюда не уйду. Вы дайте мне, чем её защищать! ЕСТЬ и другие проблемы. Бывает сложно выстраивать отношения с некоторыми старшими командирами. Присылают сюда людей, часто совсем не понимающих, куда они приехали и зачем? Впечатление такое, что мы для них какие-то колониальные войска, а они приехали нами "поругать" и потом получить за это бонус в метрополии в виде новой должности или звёздочки на погонах. Высокомерие, снобизм, иногда даже откровенное хамство. А как иначе расценивать, когда тебе в глаза такой товарищ начальник заявляет, что все вы тут никто! Только за деньги и ходите на службу! Так и хочется спросить, а где ты был, дорогой товарищ, четыре года назад, когда тут денег никто вообще не видел, а бои шли такие, что продвижение отряда, численностью в сотню бойцов, дивизион "Традов" полным "бэка" поддерживал, и в "ответку" прилетало не меньше? Вот тогда были настоящие командиры! С ними мы и победили! Не чета некоторым нынешним. Многие из ветеранов тех боёв посмотри на таких "начальников", и повольнялись. И деньги не удержали. Я сам несколько раз был на грани увольнения, но потом сам себе спрашивал: "Стоп, старый, ты уйдёшь, а кто воевать-то будет? Кто людей обучит? За кем они пойдут?" Ну и брал себя в руки. "Варяг" приехал — "варяг" уехал, а мне эту землю защищать. И ждать Красную армию...

НАШЕ ВРЕМЯ информационного обжорства новости из Донбасса стали привычной обыденностью. Они уже давно вытеснены с первых полос. И дончане со своими бедами и проблемами стали почти незаметны в этом информационном гуле. Попал снаряд в школу? Так никто не погиб! Вся ночь обстреливали Зайцево? Так там уже пять лет стреляют! Ранили местного жителя? Так не убили же...

Донецк где-то там...

А тут Зеленский со своей трагикомичной ролью шути на президентстве. Тут украинские эксперты, которые на российских ток-шоу не жалеют лужёных глоток, доказывают, что украинский волк давно оборов овечьим руном и теперь только ласково облизывает руки своим непорочным соседям. А зубами — ни-ни! "А шо стреляют, так то сами "сеп-пары" по себе и бьют!" И ведь им верить!

Каково людям, пять лет живущим под огнём, слушать вистиваы лощёных московских либералов, что России нужно сделать шаг востречу Украине и начать разоружать донецкие корпуса, и вообще, почему бы не передать Украину границу? Это же её граница, и Донбасс — это Украина!

От таких "перспектив" у самых безнадёжных оптимистов руки опускаются...

Дончане смешно "гэкают", они чато шумные и по-жужному эмоциональные. Они недоверчивы и привыкли полагаться на себя. Они умеют считать гроши в кармане и рядиться "за своё". Они совсем не библейские агнцы!

Но это именно те люди, кто поверил в тот "русский мир", который мы сами себе не очень-то представляем. Кто ради него обменял свою вполне обеспеченную жизнь — одного из богатейших регионов Украины, — на существование, фактически, в клетке, запертые между ненавидящей их и плюющей огнём бандеровской Украиной, и хмурой Россией, которая когда мать, а когда и злая мачеха!

Это те люди, которые за верность нашей общей истории, за верность общей родной речи, за право быть нам братьями, вот уже пять лет терпят муки войны, принимают лишения, знают нужду и платят за это самую страшную цену — кровавую! Своими жизнями, жизнями своих родных, своих детей.

Чем мы можем облегчить их долю? Чем "компенсировать" — какое холодное чиновничье слово! Паспорта даём? Да мы должны были их раздать ещё четыре года назад, но всё тянули, оглядывались на Запад. Что скажет горящий кусок угля из-за океана, не обидится ли тонкогубая фрау из Германии, не сдвинет ли брови микроскопический французик? Паспорта — это наш долг! И приращение России миллионами образованных, трудолюбивых, единокровных, единоверных, а главное, верных ей граждан, это наше великое счастье!

Мы можем отдать свой долг Донбассу тем, что как можно шире раскроем наши двери перед ним. Тем, что разберём таможенные частоты и дадим возможность людям не только вдохнуть жизнь в свою истерзанную войной экономику, но и строить общую с Россией экономику, работать на наших рынках так же, как это делает сегодня Беларусь или Казахстан. И уже через парус лет Донбасс станет таким же процветающим регионом, как соседняя Белгородчина или Ростов. Что-что, а работать дончане умеют!

Мы должны отдать свой долг Донбассу тем, что вместо сегодняшнего безразмерия, которое мертвит тут жизнь отсутствием перспектив и понимания того, что же здесь будет завтра, подарим ему будущее. Наше общее будущее! Дончане, как никто другой, заслужили это право...